

- Кажется, что дни тянутся медленно, но вчера и сегодня было довольно спокойно, не так ли? – Эрмеделин ответила на вопрос Руни неловкой улыбкой.

- Правда?

Она не была уверена в том, кто этот человек, который так часто приходил и уходил.

- В прошлый раз она пришла в покои императрицы с невинным выражением лица, осматривая все вокруг, как будто восхищалась драгоценными цветами, которые вы посадили в своём собственном саду. Она даже похвасталась, что император сохранил для неё несколько драгоценных луковиц.

«Ах, она говорит о Вальер».

- Мог ли быть какой-то другой смысл? Должно быть, она хотела показать все хорошее, что есть, и насладиться этим вместе.

Эрмеделин, которая была поглощена анализом своего дневника, равнодушно отнеслась к словам Руни.

«...»

На мгновение в комнате воцарилось неловкое молчание.

Эрмеделин подняла голову, почувствовав внезапное озарение. Руни уставилась на неё застывшими, как лед, глазами, в которых читалось недоверие.

- Императрица, похоже, что вы... а, великодушный, как и ожидалось.

Руни быстро сменила тему и, держа в руке сухую тряпку, поспешно вышла из спальни.

«Ох, неприятно получать такую реакцию, даже когда я говорю логически. Это слишком удушающе. Кто поверит, что здесь находится кто-то из другого мира? Должна ли я просто придерживаться личности персонажа? Мне следует немного задуматься о своих действиях на данный момент».

Хе Ен прожила свою жизнь с упорством, которое не оставляло ей иного выбора, кроме как быть в какой-то степени хорошей. Она считала важным всегда мыслить и действовать разумно, не причиняя вреда другим, оставаясь в рамках здравого смысла.

«Верно. В конце концов, когда-нибудь мне придется покинуть этот дворец и начать новую

жизнь. С этого момента лучше начать постепенно управлять своим имиджем. Если я буду продолжать в том же духе, все к этому привыкнут».

- Императрица, настало время для утренней аудиенции.

Как раз в тот момент, когда она пыталась изменить своё поведение, подошел камергер императора, чтобы проводить Эрмеделину.

Первоначально аудиенция у простолюдинов была совместным мероприятием императора и императрицы, но Генрих уже некоторое время посещал зал аудиенций вместе с Вальер. Естественно, это был случай, когда дворяне и даже простолюдины увидели, что авторитет императрицы ослабевает, но поскольку было так много людей, которые питали неприязнь к императрице, Эрмеделин не испытывала особой привязанности к тому времени.

- Утренняя аудиенция?

К удивлению женщины, камергер молча кивнул в ответ на её вопрос.

- Да, сам император отдал такой приказ.

- Я?

- Да.

Эрмеделин внезапно почувствовала, что у неё начинает болеть голова. Она не только не до конца понимала сложившуюся здесь ситуацию, но и дворяне открыто выражали своё презрение к ней.

Итак, было очевидно, что реакция простолюдинов будет ничуть не лучше.

«С чего вдруг? Ах, я не хочу идти».

Хотя её шаги были тяжелыми, она не могла открыто ослушаться приказа императора. Она неохотно встала и направилась в зал для аудиенций.

Когда она попыталась уйти, Руни вскочил и преградил Эрмеделине путь.

- Вы же не собираетесь идти туда в таком наряде?

У Эрмеделины, императрицы с нулевым балансом в казне, осталось всего несколько простых платьев. Она порылась в своем гардеробе, и оказалось, что у предыдущей обладательницы

этого тела были довольно упрощенные вкусы.

«В этой простой одежде люди могли бы принять меня за ведьму».

Конечно, на самом деле она действительно была ведьмой.

– Может, вам пойти в этом?

Три служанки уложили её волосы и выбрали платье для императрицы. Выбранное платье было сшито из черного бархата с замысловатой серебряной вышивкой, что придавало ему великолепный вид, не подходящий для повседневной носки.

– Не покажется ли оно слишком вычурным в глазах простолюдинов?

Из-за смертельной эпидемии, охватившей столицу, жизнь простых людей, несомненно, была в тяжелом положении. Несмотря на то, что баланс казны Эрмелины был на нуле, её жизнь никак нельзя было сравнить с их жизнью.

На самом деле, во время короткой поездки на встречу с Фелио в карете женщина стала свидетельницей страданий бесчисленного множества людей из-за болезни несмотря на то, что находится в окружении самого процветающего дворца в империи. Поэтому у Эрмелины не было никаких сомнений по поводу её собственного вопроса.

Однако реакция горничных была странной.

– Вы говорите, «вычурно»? Императрица Эрмелин – правительница Тривийской империи. Кто бы мог подумать такое?

Видя, как Марго и Хелен кивают головами в знак согласия со словами Руни, казалось, что все они искренне верят в то, что говорят.

Несмотря на своё недавнее решение действовать разумно, Эрмелин не могла отделаться от ощущения, что здравый смысл её прошлого мира и здравый смысл здешнего слегка расходятся.

– Понимаю. Тогда давай наденем это платье.

Эрмелин неохотно вошла в приёмную в платье, выбранном горничными.

Внутри стоял Генри в великолепном золотисто-белом наряде, олицетворяя яркость полуденного солнца своими пышными вьющимися золотистыми волосами.

По иронии судьбы, наряд Эрмелины – чёрное платье с серебряной вышивкой на чёрном фоне – идеально контрастировал с нарядом Генри, создавая тонкую гармонию. Казалось, что бог солнца и богиня луны сошли на землю вместе. Служанки и даже камергеры, сопровождавшие Генриха, смотрели на живописную императорскую чету глазами, полными восхищения.

Прежде чем войти, Эрмелин мельком взглянула в зеркало, висевшее рядом с дверью, и ей стало ясно, что они были вполне подходящей парой. Несмотря на их стратегический брак, при других обстоятельствах они могли бы быть парой, которая вполне могла бы поладить.

Конечно, у Генри была его первая любовь и возлюбленная, а Эрмелин, будучи отвратительной злодейкой, вообще не имела возможности полюбить.

С того момента, как императрица вошла, Генри даже не удостоил её ни единым взглядом.

Когда пришло время присутствовать на таком мероприятии, император любезно протянул ей руку, предлагая сопровождать её. В присутствии любопытных Эрмелин вежливо ответила, положив свою руку поверх его.

Пытаясь скрыть дрожь в сердце, женщина невольно застыла. Зал для аудиенций уже был заполнен знатью и простолюдинами, и при виде рядов людей Эрмелин почувствовала, что задыхается.

«Ух. Я ненавижу быть в центре внимания в таком виде. Это по-настоящему?»

Чтобы не потерять самообладания, она сильно прикусила губу и сделала шаг вперед. Однако, в конце концов, она подвернула лодыжку.

Она чуть не вскрикнула, но с трудом сдержалась.

В тот момент, когда её тело дрогнуло, Эрмелин заметила слабую улыбку Вальер, стоявшей рядом с троном.

Хотя она слегка подвернула лодыжку, она лишь чуть оступилась, поэтому императрица быстро восстановила равновесие и сделала следующий шаг. Однако её тело, и без того напряженное, ещё больше пострадало от неожиданной ошибки, в результате чего на этот раз она споткнулась как следует.

Все её тело задрожало.

«О нет!»

Столкнувшись с опасностью падения на глазах у всех, Эрмелин крепко зажмурилась. Как ни

странно, ее тело, потерявшее равновесие, не рухнуло на землю.

– С вами всё в порядке? Кажется, вы по какой-то причине очень нервничаете, – спросил чей-то голос.

Эрмеделин медленно открыла глаза и обнаружила, что кто-то поддерживает её.

– ??

Когда она открыла глаза, перед ней предстало лицо Генри, человека, чья потрясающая красота действительно соответствовала его репутации самого красивого мужчины империи.

Его голубые глаза, в которых, казалось, светились одновременно забота и озорство, легко могли сойти за ласковый взгляд заботливого мужа.

– О, это просто потому, что я немного нервничала, – ответила Эрмеделин, сумев взять себя в руки и сесть на высокий трон, приготовленный для императора и императрицы.

В то время как все остальные в зале стояли, склонив головы, за исключением императора и императрицы, Эрмеделин, наконец, поняла значение фразы «сидеть прямо».

По сигналу императора люди в зале для аудиенций постепенно подняли головы.

Все присутствующие восхищались контрастной гармонией солнца и луны.

«Странно, как хорошо всё получилось», – подумала Эрмеделин, наблюдая за выражением лиц людей.

Её взгляд встретился со взглядом Вальер, которая стояла неподалеку. Несмотря на добрую улыбку, в её карих глазах безошибочно угадывался оттенок ревности.

Если это и была фальшивая улыбка, Хе Ен она была знакома. Она привыкла вежливо общаться с трудными покупателями в круглосуточном магазине и обслуживать посетителей в баре с улыбкой, которая не выдавала её истинных чувств.

«Снова видишь меня здесь. Да, ты, должно быть, чувствуешь себя ужасно. Твоя первая любовь не может жениться на тебе из-за классовых различий. А женщина, жена твоей первой любви, – худший человек на свете. Но даже в этом случае в романе ты, в конце концов, одерживаешь победу, так что потерпи ещё немного. У меня нет стойкой привязанности к этому положению», – подумала про себя Эрмеделин.

Горячо шепча про себя, Эрмеделин знала, что её безмолвная искренность никогда не дойдет до собеседника.

Вскоре началась утренняя аудиенция.

Возможно, из-за того, что эпидемия всё ещё свирепствовала, император и императрица оказались на значительном расстоянии от чиновников, из-за чего им приходилось напрягать слух.

Сначала настала очередь знати, приехавшей из провинций. Слушая их рассказы, становилось ясно, что из-за эпидемии в столице и конфликтов в приграничных регионах страдает не только столица, но и знать из провинций.

В романе основное внимание уделялось делам императорского дворца, поэтому события, происходящие в приграничных регионах, не были описаны подробно. Они упоминались всего несколько раз, почти вскользь.

«Похоже, в реальности существуют довольно серьезные проблемы», – подумала женщина. Были признаки военных провокаций со стороны вражеских государств и даже присутствия бандитских группировок вблизи границы.

– Они действовали как обученная армия! Они не просто обычные воры! Люди думают, что они солдаты, дезертировавшие из столицы!

Чиновники, один за другим, обращались со своими опасениями и объяснениями к императору Генриху. Ни один из них не взглянул на императрицу.

«Что ж, в романе преобладала атмосфера избегания зрительного контакта со мной, как будто они были бы прокляты, просто взглянув на меня», – подумала про себя Эрмеделин. Поначалу она находила это несколько несправедливым, но по мере того, как она привыкала, это странным образом успокаивало её. Не имея ни малейшего представления о придворном этикете, она поняла, что ей не нужно реагировать на каждое замечание незнакомого придворного. Вместо этого она могла просто сосредоточиться на слушании.

«Сначала я волновалась, но утренняя аудиенция оказалась весьма полезной: нечасто выпадает шанс услышать такие разные мнения», – размышляла она.

– Солдаты-дезертиры из столицы?

В ответ на вопрос Генри один чиновник, который ранее утверждал, что он из провинции, начал обильно потеть, избегая взгляда Эрмеделины.

– Это из-за эпидемии... Участились случаи дезертирства...

Его слова вызвали мгновенную тишину в зале для аудиенций. Пока все поворачивали головы, Эрмеделин почувствовала, кого в этой тишине обвиняют.

«И снова это я. Я просмотрела и дневник, и книгу заклинаний! Существует множество способов распространения эпидемии, но я так и не нашла способа вылечить её. Я тоже расстроена!»

Нарушив гнетущую тишину, воцарившуюся в зале для аудиенций, Генрих спросил небрежным тоном. Его поза, когда он глубоко сидел на троне, и едва заметный блеск в глазах ясно свидетельствовали о том, что он смотрит на собеседника сверху вниз.

– Мнения людей таковы. Что думает по этому поводу императрица?

Эрмеделин не находила слов в ответ на вопрос Генри. Это правда, что первая вспышка эпидемии была связана с тем, что она проклала колодец. Однако, когда дело дошло до последующих случаев заражения, особенно второй и третьей волн, она ничего не знала об их причинах. Но здесь она не могла снять с себя обвинения в преступлениях, которых не совершала.

– Очень жаль, что эпидемия распространилась по столице. Несмотря на очистку зараженного колодца, мы глубоко обеспокоены тем, что заражение продолжается, – наконец осторожно ответила Эрмеделин.

– Итак, императрица, как вы думаете, что следует предпринять в этой ситуации? – Генри продолжил расспросы.

Император спросил провокационно, его глаза открыто бросали ей вызов, словно говоря: «Раз ты это начала, значит, должна знать ответ, верно?»

«Хотела бы я знать, как положить этому конец по-настоящему. Я же не могу просить их разработать вакцину!» – подумала Эрмеделин про себя.

– На данный момент, поскольку мы не знаем, передается ли вирус через жидкости организма или по воздуху, людям было бы разумно проявлять осторожность в таких густонаселенных местах, как это. Поддержание чистоты и избегание ненужных контактов с другими людьми значительно снизили бы уровень заражения, – начала объяснять Эрмеделин.

– Вы только что упомянули о выделениях из организма?